
ИНТИМНАЯ ЛИРИКА Н.ЗАБОЛОЦКОГО КАК ЧАСТЬ КАРТИНЫ МИРА

КАРИНЭ МХИТАРЯН

В последние годы своей жизни Заболоцкий пишет цикл «Последняя любовь», состоящий из 10 стихотворений на любовную тему. Название цикла знаменательно. Оно неизбежно вызывает ассоциации с одноименным стихотворением Тютчева и побуждает читателя и исследователя к сопоставлению творчества Заболоцкого с творчеством Тютчева. Но беспрецедентность случая Заболоцкого в том, что это его первое обращение к любовной теме, в то время как Тютчев писал о любви на протяжении всей своей творческой жизни. Здесь напрашивается и аналогия с Гете, создавшим свою знаменитую «Мариенбадскую элегию» – одно из лучших стихотворений о любви в мировой лирике – в возрасте семидесяти лет, но писавшим о любви и раньше.

Отсылки к творчеству Тютчева в поэзии Заболоцкого многочисленны и говорят нам о том, что поэзия Заболоцкого внутренне родственна лирике его великого предшественника. Для читателя и исследователя они играют роль вектора, указывающего направление анализа, следствием которого становится знание о преобразении и развитии образов и мотивов поэзии XIX века в творчестве поэта века XX. Обретя новую жизнь в творчестве Заболоцкого, они становятся наглядным выражением связи времен и непреходящего значения поэзии XIX века. То же можно сказать и о стихах Заболоцкого о любви.

С Тютчевым Заболоцкого сближает романтическая окраска поэтических образов и обусловленная ею приподнятость и возвышенность тона. Но, идя вослед Тютчеву, Заболоцкий создает картину любовной коллизии, существующей в иные времена, в системе координат бытия человека XX века. Эти отличия проявляются, в частности, в том, что в стихотворениях Заболоцкого на интимную тему отсутствует социальная направленность, присущая интимной лирике Тютчева, для героев которого «суд людской» становится преградой на пути к счастью, и преграда эта не менее могущественна, чем смерть: *Две силы есть – две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой, / От колыбельных дней и до могилы, – / Одна есть Смерть, другая – Суд людской.*

Другим источником страданий у Тютчева может быть нравственная ущербность человека и «буйная слепота страстей», делающая любовь губительной:

*Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!*

«Буйная слепота страстей», «роковая встреча», «страсти роковые», «роковые силы», «поединок роковой» – эта фразеология как нельзя лучше определяет особенность тютчевского переживания чувства любви в стихотворениях «Денисьевского цикла».

Совсем другое мы видим у Заболоцкого: трагедия любви – это трагедия самого человеческого существования, и причина ее вне человека и всего насущно-человеческого: это быстротечность жизни, ее текучесть, обреченность человека смерти, перед которыми бессилён и самый разумный человек. Ему дано постичь законы природы, вечной и бессмертной, одухотворить ее, но сам он не хозяин своей жизни и остановить ход времени ему не дано.

В стихотворениях о любви Заболоцкого обращение к миру отдельной личности достигает большой психологической глубины, превращая поэтический цикл в маленький роман в стихах. Но особую роль в этом романе, помимо двоих, играет другой, unnamed герой – время.

Анализируя стихотворения цикла «Последняя любовь», К.А.Шилова пишет: «Любовное переживание дается чаще всего через временную даль, в воспоминаниях, снах, предстает в категориях, уже отвлеченных от конкретной ситуации. Над непосредственным «действием» любви как бы воздвигнут еще один временной купол. Любовный роман в авторском осмыслении соотносится со стихией жизни, с проблемой счастья и смысла бытия.

Уже история создания цикла показательна в этом плане. Сначала, в 1956 году, поэт пишет три стихотворения: «Чертополох»(1), «Морская прогулка»(2) и «Старость»(10), т.е. стихи, наиболее обобщенно раскрывающие тему. При этом последнее стихотворение может показаться даже лишним, необязательным, поскольку содержание любовной повести уже раскрыто в предшествующих стихах. В нем поэт подводит итоги своему осмыслению любовной драмы, постигая опыт и суть позднего чувства. И любовь выступает здесь как напряженнейшая сфера духовного бытия»¹.

Тема времени впервые в творчестве Заболоцкого появляется в стихотворении «Время» из его первого сборника «Столбцы». Оно представляет собой маленькую поэму, разбитую на главки. Четыре героя поэмы – Иракий, Тихон, Лев и Фома – ведут беседу о времени. В стихотворении в иронической форме воспроизводится атмосфера философского диспута с характерной для

¹ Шилова К. А. Николай Заболоцкий. – В кн.: «Поэты-современники». Кемерово, 1973, с. 83.

него атрибутикой: герои сидят за столом, накрытым для пира (стихотворение первоначально носило название «Пир четырех друзей»). Увлеченные обсуждением проблемы, они не замечают красоты окружающего мира:

*А если бы они взглянули за окно,
Они б увидели великое пятно
Вечернего светила.
Растенья там росли, как дудки,
Цветы качались выше плеч,
И в каждой травке, как в желудке,
Возможно свету было течь.*

Их рассуждения отвлеченны и никак не соотносятся с реальностью. Более того, они к ней относятся с пренебрежением. Об одном из героев, Ираклии, поэт говорит:

*Ираклий был лесной солдат,
Имел ружья огромную тетерю,
В тетере был большой курок,
Нажав его перстом, я верю,
Животных бить возможно впрок.*

У другого участника диспута, Фомы, действительность вызывает отвращение:

*И с отвращеньем посмотрев в окошко,
Сказал Фома: «Ни клюква, ни морошка,
Ни жук, ни мельница, ни пташка,
Ни женщины большая ляжка
Меня не радуют».*

Невежественные и грубые, отвернувшиеся от жизни, они не способны к познанию. В их головах рождаются мысли, одна нелепее другой. Они договариваются до того, что «часы – творения адских рук». Свое отношение к их тугодумию Заболоцкий выразил в насмешливой фразе: «Сказал Фома, родиться мысли помогая: // «Я предложил бы истребить часы!»

Завершается разговор четырех псевдофилософов тем, что «безмолвный Лев» стреляет в середину циферблата, приводя в исполнение вынесенный друзьями приговор времени. Они торжествуют, полагая, что теперь, когда часы истреблены, они победили время и их жизнь не прервется.

Здесь в шутильной форме отразилось представление Заболоцкого о несовпадении человеческого и природного бытия и о несомненном превосходстве мира природы над человеком:

*И все растенья припадают
К стеклу, похожему на клей,
И с удивленьем наблюдают
Могилу разума людей.*

У стихотворения есть автобиографический подтекст. Из воспоминаний Т.А.Липавской мы узнаем о том, что Заболоцкий, Хармс, Олейников и Л.С.Липавский решили встречаться каждое воскресенье. Эти встречи Липавский назвал "Клубом малограмотных ученых". В стихотворении юмористически изображено заседание клуба, а в героях стихотворения – его участники².

Травестирование серьезных проблем, ирония – характерные особенности поэтики Заболоцкого раннего периода. Но в последних своих произведениях Заболоцкий – глубокий лирик, задумывающийся о нравственных проблемах человеческого существования. К ним относится и проблема времени. В стихотворениях цикла «Последняя любовь» время предстает не как отвлеченная философская проблема, о которой, пусть в шуточной форме, дискутируют одержимые жаждой постижения истины мыслители. Здесь время становится поэтическим образом большой эмоциональной силы, высвечивающим трагичность человеческого бытия. «Любовь побеждает все» – говорили древние. Однако, по Заболоцкому, это высказывание не распространяется на время. Поэтому в стихах о любви у Заболоцкого так часты образы старости и смерти.

Проблема смерти у Заболоцкого – это проблема времени жизни. И это придает драматизму последней любви у Заболоцкого куда более глубокий характер, чем у Тютчева. У поэта XIX века сказано: «*О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и суеверней...*». У Заболоцкого же драматизм заключен не в изменении способности чувствовать, не в убывании сил, а в том, что любовное чувство настигает человека в последние дни его жизни и срок его недолог.

Переживание кратковременности человеческого существования характерно для всего творчества Заболоцкого. О смерти и бессмертии размышлял он и в молодые годы, об этом он писал Циолковскому, ища у своего великого современника ответы на беспокоящие его вопросы. И только глубокой озабоченностью и озабоченностью этой проблемой, стремлением к ее постижению может быть объяснена повторяемость мотива смерти в его поэзии. Это было замечено В.Мильдоном: «Упадок, убыль жизни, не знающие никаких препятствий, - такая разновидность смерти наблюдаема в поэзии Николая Заболоцкого»³. Свое утверждение он основывает на примерах, взятых из стихотворений Заболоцкого разных периодов его творчества: от «Искушения», написанного в 1929 году, до стихотворений «Людейников», «Подводный город», «Я не ищу гармонии в природе», «Прощание с друзьями», созданных в 30-50-е годы.

Свет «зари последней, зари вечерней» окрашивает в элегические тона даже те стихотворения, в которых звучит признание в любви, как, напри-

² См.: «Воспоминания о Н.Заболоцком». М., 1984, с.51.

³ Мильдон В. Тринадцатая категория рассудка. Из наблюдений над образами смерти в русской литературе 20-30-х годов XX века. «Вопросы литературы», 1997, №3, с.129.

мер, в стихотворении «Зацелована, околдована». На эту особенность любовной лирики Н.Заболоцкого обращает внимание А.Турков: «Удивительная «любовная» лирика, первые аккорды которой, казалось бы, «на закате» не только что той поры, которая от века «предназначена» для «нежных чувств», но едва ли не всей жизни вообще, - «у порога подземных ворот». В самом цикле мотив любви перед вечной разлукой звучит постоянно, «он полон живого драматизма сложных человеческих взаимоотношений. Даже немудрящая вроде бы строчка – «Двое вышли в вечерний простор» – обладает неким скрытым символом: простор – вечерний, недолгий...»⁴.

Для Туркова образ «вечерний простор» включает в себе глубину психологического состояния и интересен именно с этой стороны. Но в нем есть и философское содержание, характерное для Заболоцкого представление о мире, существующем в единстве времени и пространства. «Вечерний простор» – пространство вечера и вечер пространства. В этом образе сливаются представления о временной длительности и протяженности пространства: с убыванием времени жизни сокращается пространство. Так поэт передает в поэтическом образе идею угасания жизни. Для поэта, стремящегося к созданию всеохватной картины бытия во всей его полноте и целостности, это естественно и, более того, неизбежно.

В стихотворениях цикла «Последняя любовь» формируется еще один образ сада, третьего по счету в поэзии Заболоцкого после «Ночного сада» и сада в стихотворении «Венчание плодами» – сада индивидуального существования. Его смысл не однозначен, он носит мерцательный характер: его образ то сужается до садика из стихотворения «Можжевельниковый куст» (на это указывает, в частности, уменьшительный суффикс -ик в слове садик, как и в словах «ослик», «домик» из стихотворения «Бегство в Египет»), то расширяется до образа сада мироздания в стихотворении «Чертополох»:

<i>Принесли букет чертополоха</i>	<i>Где пучки цветов, кровавоглавы,</i>
<i>И на стол поставили, и вот</i>	<i>Прямо в сердце врезаны мое.</i>
<i>Предо мной пожар и суматоха,</i>	<i>Снилась мне высокая темница</i>
<i>И огней багровый хоровод.</i>	<i>И решетка, черная, как ночь,</i>
<i>Эти звезды с острыми концами,</i>	<i>За решеткой – сказочная птица,</i>
<i>Эти брызги северной зари</i>	<i>Та, которой некому помочь.</i>
<i>И гремят и стонут бубенцами,</i>	<i>Но и я живу, как видно, плохо,</i>
<i>Фонарями вспыхнув изнутри.</i>	<i>Ибо я помочь не в силах ей.</i>
<i>Это тоже образ мирозданья,</i>	<i>И встает стена чертополоха</i>
<i>Организм, сплетенный из лучей,</i>	<i>Между мной и радостью моей.</i>
<i>Битвы неоконченной пыланье,</i>	<i>И простерся шип клинообразный</i>
<i>Полыханье поднятых мечей.</i>	<i>В грудь мою, и уж в последний раз</i>
<i>Это башня ярости и славы,</i>	<i>Светит мне печальный и прекрасный</i>
<i>Где к копью приставлено копье,</i>	<i>Взор ее неугасимых глаз.</i>

⁴ Турков А. Николай Заболоцкий. М., 1981, с.121.

Об этом стихотворении А. Турков пишет: «Уже в фантастических ассоциациях, которые вызывает у поэта букет чертополоха, смешаны ощущения красоты, праздника и трагедии, обреченности: ...«Чертополох» задает тон началу цикла: все здесь тревожно и зыбко»⁵.

Но не об одном лишь напряжении страсти говорится в этом стихотворении. В его тексте содержится подсказка, помогающая разгадать его истинный смысл: «Это тоже образ мироздания...». На это обращает внимание А. Македонов, и «образ мироздания», вплетенный в мотив последней любви, становится для исследователя ключом к пониманию нового осмысления любовной темы, придающего ей глубокое философское значение. Сравнивая любовную лирику Тютчева и Заболоцкого, Македонов пишет: «Как и у Тютчева, образы «последней любви» у Заболоцкого как-то связаны с образами природы. Как и у Тютчева, «последняя любовь» особенно противоречива, несет в себе «и блаженство, и безнадежность». Но вместе с тем – все совершенно другое. «Последняя любовь» у Заболоцкого – это история двух человеческих жизней, а рядом цепь образов природы, которые являются метафорами-символами «организма» «всего мироздания» (например, «чертополох», «можжевельный куст»). И сама «последняя любовь» совсем не та последняя вспышка страсти, о которой пишет Тютчев: в любовную драму вплетается мотив мироздания»⁶.

К аналогичным выводам приходит и А. Аكوпова, рассматривающая это стихотворение с точки зрения «изучения понятия художественного пространства»: «В образном представлении поэта букет чертополоха охватывает собой все видимое пространство, становится целым миром, преграждающим путь к любимой. Это образ мироздания, со своим внутренним движением, цветом и звуком, со своей особой жизнью: «пожар и суматоха», «огней багровый хорост», «звезды с острыми концами», «брызги северной зари».⁷

Образ мироздания, составленный из огня, света и ярких красок, каким он предстает в стихотворении «Чертополох», не единичен в творчестве Заболоцкого. Его поддерживают образы огнеликих канн в стихотворении «Последняя любовь», сияния в стихотворении «Голос в телефоне». Но наиболее ярким в ряду этих стихотворений стало стихотворение «Можжевельный куст»:

*Я увидел во сне можжевельный куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.*

⁵ Там же, с. 121.

⁶ Македонов А. В. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1987, с. 284.

⁷ Аكوпова А. Эстетический идеал и природа образа. Ер., 1984, с. 69.

*Я почувал сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.*

*Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой.*

*В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевиший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!*

В этом стихотворении тоже есть образ сияния: «В золотых небесах за окошком моим...». Но здесь сияние достигает наивысшей степени силы и значения, обозначенной эпитетом «золотых».

«Металлический хруст» ветвей и звон «аметистовых ягод» вызывают в памяти образ другого куста – из стихотворения «Белая ночь», с которого начинается сборник «Столбцы»: «Торчком кусты над нею встали // В ножнах из разноцветной стали». Но если в стихотворении «Белая ночь» образ кустов «в ножнах из разноцветной стали» относится к ряду тех, которые несут в себе идею о бездушии и бездуховности человеческого существования, то в стихотворении «Можжевеловый куст» мы встречаемся с образом иного семантического наполнения, символизирующего страдание от невозможности счастья в любви.

Восприятие мира в этом стихотворении обретает максимальную полноту и всеохватность. Образ мира предстает видимым и звучащим, он обретает запах и осязаемость. Помимо этого, эпитеты «аметистовый» и «металлический», отнесенные к образу можжевелового куста, выражают представление о едином образе мира, в котором живое соединяется с неживым. И этот мир безусловно прекрасен.

Для образа третьего сада, возникающего в любовной лирике Заболоцкого (после «Венчания плодами» и «Ночного сада»), существенно его сходство с «Ночным садом». Это выражается прежде всего в том, что ни тот, ни другой не сулят человеку безмятежного существования. В образе третьего сада эта идея усилена тем, что и чертополох, и можжевеловый куст («проколовший меня смертоносной иглой») – колющие, ранящие растения.

Это стихотворение знаменательно еще тем, что в нем возникает образ Бога. По словам Т. Сотниковой, в творчестве Заболоцкого «божественное

бытие постоянно просвечивает сквозь земные события». Однако в разные периоды творчества поэта это проявляется по-разному. В его ранних произведениях они «часто создают отдаленный фон вечности» («Венчание плодами», «Лицо коня», «Прогулка» и др.). В ряде своих произведений «Заболоцкий связывает природные и божественные явления»⁸, например, в «Поэме дождя» (1931):

*Или когда угрюм орган,
На небе слышен барабан,
И войско туч пудов на двести
Лежитверху на каждом месте, -
Когда могучих вод поток
Сшибает с ног лесного зверя, -
Самим себе еще не веря,
Мы называем это: бог.*

В «Можжевелевом кусте» Бог предстает как творец мира. И человек просит прощения у него за то, что сад, который задумывался как образ идеального мира, изначально предназначенного для счастья человека, у Заболоцкого оказался «безжизнен и пуст».

Любовная лирика Заболоцкого принадлежит к числу лучших воплощений этой темы в русской поэзии XX века. Ей свойственны особое изящество и та высокая простота, к которой приходит поэт, достигнув вершин мастерства. Но, несмотря на присущее ей субъективное начало, она вместе с тем является частью его философской лирики и добавляет много существенных черт в поэтическую картину мира Заболоцкого.

У Заболоцкого, поэта-философа XX века, так же, как и у его предшественника Тютчева, переживание любви неотделимо от переживания мира, от мысли о мире. И слова Я.Зунделовича, сказанные им о стихотворении Тютчева «Последняя любовь», что оно «представляет собой блестящий образец лирики, где сердце не только чувствующее и переживающее, но и «мыслящее»»⁹, могут быть отнесены и к лирике Заболоцкого последних лет. Она содержит в себе мысль о человеке как неотъемлемой части бытия Вселенной. Впрочем, эта мысль звучала в поэзии Заболоцкого и раньше, в период создания натурфилософских стихотворений. Но в них утверждалось присутствие человеческого начала в природе. В интимной же лирике Заболоцкого говорится о человеке, несущем в себе образ мироздания.

Интимной лирикой Заболоцкого завершается эволюция творчества поэта, начавшаяся с утверждения «поэзии голых мыслей» и отрицания музыкального начала как искажающего истинную картину мира и завер-

⁸ Сотникова Т. Религиозные мотивы и образы в поэзии Николая Заболоцкого. В кн.: «Труды и дни Николая Заболоцкого». Материалы литературных чтений. М.: Литературный институт им. А.М.Горького, 1994, с.84, 83, 85.

⁹ Зунделович Я. Этюды о Тютчеве. Самарканд, 1971, с.161.

шившаяся признанием единства всего сущего, отразившегося в поэтике соединением мысли, образа и музыки, в котором поэту виделась «идеальная тройственность, к которой стремился поэт»¹⁰. Благодаря этой триаде поэтическая выразительность в последних стихотворениях Заболоцкого достигает невиданной прежде полноты и силы.

В свое восприятие мира и человека поэт вносит последние уточнения, завершающие построение создаваемой им на протяжении всего его творчества картины мира. Душа, душевность становятся критерием истинной человечности «не в смысле гуманизма, любви к человеку и человечеству, а в смысле того единственного, что присуще человеку, в отличие от всех прочих тварей земных и небесных»¹¹. Но душевность не противопоставлена духовности, «обогащаясь духовным, душевное не должно ни на миг поглощаться или отвергаться им»¹².

Поставив человека на вершину своей модели мира, Заболоцкий в последних своих стихотворениях вносит еще одно уточнение и в понятие ума. Если в период «Столбцов» поэт сводит понятие ума к рационализму, логическому познанию, с помощью которого он пытается преодолеть абсурд объективной реальности, если в натурфилософии познание жизни природы сопряжено с жизнью сердца, то в последний период своего творчества в понятие ума человеческого поэт включает и понятие душевности, ибо, как считает Эпштейн, «душа в человеке сопрягается с умом, творчеством»¹³. В этом исследователь видит проявление общечеловеческого в человеке.

Но душевность не декларируется поэтом. Ее теплотой согрета вся поэзия Заболоцкого последнего периода. Закономерно, что это отразилось и на лексике, одной из характеризующих особенностей которой стала высокая частотность слова «душа». К человеческой душе обращено и последнее стихотворение Заболоцкого «Не позволяй душе лениться».

Сочувствие к человеку, нежное участие в его судьбе, звучащие в поэзии Заболоцкого последних лет, смягчают горечь от понимания неизбежного конца. Лишенная обжигающей страстности, она содержит и новое понимание любви как разделения участи, сопереживания и сострадательного милосердия.

Это снижает очевидный драматизм любовной коллизии и сливающегося с ней образа мироздания. Мотивы же старости и смерти, вплетающиеся в тему любви, говорят о том, что способность любить сопутствует человеку до последнего часа его жизни. Поэтому не безысходность и мрачное настроение слышатся в стихотворениях Заболоцкого последних лет, а мужественное прозрение своей судьбы и преодоления трагизма существования.

¹⁰ Заболоцкий Н. Мысль-Образ-Музыка. В кн.: Заболоцкий Н. Собр.соч. в 3-х тт. Т.1. М., 1983, с. 591.

¹¹ Эпштейн М. О душевности. «Звезда», 2006, №8, с. 213.

¹² Там же, с. 215.

¹³ Там же, с. 213.

Однако настроение печали не доминирует в творчестве Заболоцкого: оно полифонично по своей эмоциональной окрашенности. Заболоцкому в той же степени свойственно и переживание чувства блаженства, наслаждения радостью бытия. Эти мотивы звучат в ряде стихотворений 50-х годов, в цикл «Последняя любовь» хотя и не вошедших, однако имеющих большое значение для понимания картины мира Н.Заболоцкого, сложившейся в последние годы его творчества:

*Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаёшь.*
(«Вечер на Оке», 1957)

Характерно для таких стихотворений, что время, которое Фома из стихотворения «Время» называет адским и призывает поэтому разбить часы, здесь замирает, как бы для того, чтобы прекрасное мгновение обрело вечность:

*Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня – и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.*

*Здесь море – дирижер, а резонатор – дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо средь камней танцует и поет.*

*Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.*
(«Над морем», 1956)

Местность, описанная в этом стихотворении возвышена, приподнята над уровнем моря, она как бы парит над ним. На это указывает и само название – «Над морем». Множество конкретных деталей, характеризующих запахи, звуки и колорит, придают пейзажу достоверный характер. Но вместе с тем они содержат и черты патетического свойства. Такая амбивалентность есть в образах «высокие волны» и скользящего по вертикали звука: «Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали».

Высота и устремленность вверх примечательны для Заболоцкого как принцип организации пространства. В этом стихотворении важно и то, что

в нем встречаются образы моря, символизирующего безбрежную ширь и глубину, и образ гор, от века ассоциирующийся с надмирным, возвышенным состоянием духа. От горных высот близко до горних высей. О неприятности таких ассоциаций свидетельствует образ детей, соотносимый, как и в стихотворении «Бегство в Египет» («духи, ангелы и дети на свирелях пели мне»), с образами ангелов. А застывшее время («здесь время не спешит») и устойчивость, неизменяемость описываемого места действия («у неподвижных скал») создают ощущение покоя и вечности мира, незыблемости земной тверди.

Понятие вечности, в значительной степени умозрительное, здесь обретает черты реального времени, а возвышенный смысл, заключенный в нем, становится определяющим земную жизнь. Возвышенным ощущением вечности проникнуто описание пейзажа, каждая черта которого говорит о счастье бытия и его бессмертия.

Таков итог размышлений Заболоцкого о мире, в котором человек, начав долгий путь превращений от героя «Столбцов», одержимого низменными страстями, до мыслителя, пытающегося познать жизнь природы, приходит в конце концов к человеку, признавшему приоритет этического идеала. Для него любовь к человеку и верность вечным ценностям превыше всего. Заболоцкий выразил это в чеканных строках, звучащих как моральные максимы:

*Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.
(«Облетают последние маки», 1952)*

*Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.
(«В кино», 1954)*

*Вечно светит лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха.
(«Ночное гулянье», 1953)*

Но чтобы прийти к этому, «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь», как скажет поэт в стихотворении «Не позволяй душе лениться».

Если в стихотворении «Отдыхающие крестьяне», одном из замыкающих ранний период творчества Заболоцкого, люди осознают зависимость своей жизни от небесных светил, понимая свое подчиненное по отношению к ним положение, то в последних произведениях поэта человек живет, подчиняясь нравственному императиву. И это последняя метаморфоза, которую переживает человек на долгом пути восхождения к пониманию своей роли в жизни мироздания.

Ключевые слова: *Заболоцкий, «Последняя любовь», время, пространство, мироздание, смерть, бессмертие, душа.*

ԿԱՐԻՆԵ ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ – Ն. Զաբոլոցկու մտերմիկ քնարերգությունը որպես աշխարհի պատկերի մաս – Զաբոլոցկու ինտիմ երգերին բնութագրական են տիեզերքի մահվան և անմահության պատկերներով: Դրա շնորհիվ սիրային քնարերգությունը ստանում է փիլիսոփայական խորը նշանակություն: Նրանց մեջ նա նորովի է մեկնաբանում մտքի հասկացությունը, որին բնորոշ առանձնահատկությունը դառնում է մարդկայնությունը:

Բանալի բառեր – *Զաբոլոցկի, «Վերջին սերը», ժամանակ, տարածություն, տիեզերք, մահ, անմահություն, հոգի*

KARINE MKHITARYAN – Zabolotsky's Love Poems as a Part of the Poetic World. – The love poems by Zabolotsky are characterized by images of the Universe, death and immortality. This gives poems on a love topic of deep philosophical significance. The love poems also content a new understanding of the concept of the mind, a characteristic feature of which is soulfulness.

Key words: *Zabolotsky, “The last love”, time, space, the Universe, death, immortality, soul*